

УДК-327.7

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-70-77

НОРМАТИВНАЯ КОМПОНЕНТА В КОНЦЕПЦИИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Глеб Коцур

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация

Экологическое понятие "стрессоустойчивости", означающее свойство системы к адаптации после шоков, в последнее десятилетие стало активно использоваться в политических науках. Более того, внутри дискурса документов международных организаций и наднациональных объединений этот термин приобрел существенную автономность от изначальной концепции и самостоятельный смысл. Так, Европейский союз в его основополагающих текстах сформулировал свое видение стрессоустойчивости, в рамках которого данный феномен напрямую увязан с условными "западными нормами" – либеральной демократией и правами человека. Автор сопоставляет рейтинг недееспособности государств, индекс демократии, рейтинг стран мира по уровню политических и гражданских свобод с нормативной позицией Брюсселя. Сравнительный анализ (9 из 16 возможных пунктов) свидетельствует о наличии не прямой, а обратной корреляции между стрессоустойчивостью и нормативной компонентой, демонстрируя их разрыв. Таким образом, автор выявляет глубокую проблематичность и парадоксальность неолиберального дискурса ЕС в вопросе трактовки стрессоустойчивости. Противоречивый характер связки между стрессоустойчивостью и нормативностью даже внутри неолиберального дискурса заставляет еще раз подвергнуть критической рефлексии их соотношение с реальным свойством системы адаптироваться после шоков.

Ключевые слова: стрессоустойчивость; дискурс; неолиберализм; Европейский союз; рейтинг недееспособности государств; индекс демократии; рейтинг стран мира по уровню политических и гражданских свобод.

Стрессоустойчивость и дискурс Европейского союза

В 1973 г. эколог из Канады К. Холлинг ввел в научный оборот понятие "стрессоустойчивости". Автор определил ее как "...меру стойкости систем и их способность поглощать изменения и нарушения, поддерживая те же соотношения между популяциями или переменными состояниями..." (Holling, 1973: 14). Иными словами, стрессоустойчивость представляет собой способность системы к адаптации после шоков. Постепенно концепция Холлинга перестала быть исключительно экологическим понятием и оказалась связана с общественным измерением, означая адаптивность социо-экологических систем. Природа и различные сферы общества развиваются, по Холлингу, в рамках общих синхронных циклов, стрессоустойчивость же является характеристикой всего этого комплекса, а не отдельных его частей (Holling & Gunderson, 2002: 25-63.). Категория быстро обрела популярность в широком спектре академических областей от городского планирования и экономики до политических наук и теории международных отношений (Bourbeau, 2015). Так Дж. Рейд и Д. Чендлер называют главной характеристикой субъекта современного неолиберального общества именно стрессоустойчивость (Chandler & Reid, 2016). В исследованиях по городскому планированию (Coaffee, 2013) и борьбе с терроризмом (Coaffee & Fussey, 2015) данное понятие становится ключевым для переосмысления публичной безопасности. Дж. Брассетт и Н. Воган-Уильямс показали, что ресурсом стрессоустойчивости может выступать критическая инфраструктура от дорожных сетей до интернет-коммуникаций (Brassett & Vaughan-Williams, 2015). Наконец, в исследованиях реагирования на стихийные бедствия С. Милиано и Дж. Хурриенс описали действия низовых групп гражданского общества в качестве свидетельства социума принимать изменения среды и адаптироваться к ним (Milliano & Jurriens, 2016).

Примечательно, что исследования стрессоустойчивости как неотъемлемого свойства любой системы заметно разнятся с ее рецепцией международными организациями и такими наднациональными объединениями, как Европейский союз. Став элементом дискурса ЕС, этот термин приобрел существенную автономность от концепции Холлинга и самостоятельный смысл. Примерно с начала 2010-х гг. Брюссель активно использует категорию стрессоустойчивости в целом ряде своих системообразующих документов (Романова, 2017), включая "Глобальную стратегию ЕС по внешней политике и политике безопасности"¹. Главной чертой трактовки этого понятия Евросоюзом становится прямая связка между либерально-демократическими нормами и стрессоустойчивостью, где второе вытекает из первого. Отметим, что и в теоретической традиции исследований стрессоустойчивости не утихают дебаты (Olsson et al., 2016: 49-50) относительно того, целесообразно ли трактовать это понятие в ценностном ключе (Perrings, 1998) или в относительно нейтральном (Walker et al., 2006). И хотя не все международные организации рассматривают стрессоустойчивость через призму нормативного измерения², в дискурсе ЕС подобный подход становится абсолютно преобладающим. Например, совместное коммюнике Европейского парламента и Совета Европейского союза от 2017 г. гласит: "...существует связь между инклюзивными обществами с транспарентными и демократическими институтами и устойчивым развитием с предотвращением конфликтов и насилия...недостатки в обеспечении демократичности, прав человека и верховенства права, гендерного равенства...содержат существенное препятствие для эффективного развития общества...это понимание составляет сердцевину подхода ЕС к обеспечению государственной и социетальной стрессоустойчивости..."³. При этом в документах Брюсселя стрессоустойчивость и нормативность часто оказываются взаимосвязаны посредством категории "безопасность": "Стрессоустойчивое государство – это безопасное государство, а безопасность – это ключевой фактор для обеспечения процветания и демократии..."⁴. В подобной трактовке стрессоустойчивость является характеристикой только либерально-демократических обществ западного образца.

Во многом, данная связка вытекает из самой интерпретации Евросоюзом понятия демократии. Как ни парадоксально, найти ее четкое определение в документах ЕС оказывается непросто. Будучи нормативным базисом всей организации, она или выступает в текстах Брюсселя в качестве самоочевидного термина, или описывается через длинный перечень ее свойств. Например, в "Заключении совета по поддержке демократии во внешней политике ЕС" от 2009 г. она практически отождествляется с правами человека: "...только в демократиях индивиды могут реализовать свои права..."⁵. Далее следует внушительный ряд ее признаков: принцип недискриминации, обеспечение прав меньшинств, способность мужчин и женщин на равных основаниях участвовать в политической жизни, социальная справедливость, роль выборных представителей, политических партий, независимых медиа, гражданского общества и тд...⁶. Однако важнейший момент указан уже во втором пункте в списке атрибутов демократии, где "...прогресс в обеспечении прав человека, качественное управление и демократизация – это основание для сокращения бедности и устойчивого развития..."⁷. Таким образом, материальное развитие в документах Евросоюза вытекает из ценностной ориентации политического режима. В том же документе подчеркивается, что "...демократия и управление на основе

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 8 May 2018).

² Strategy Outline for the 2010-2011 ISDR World Disaster Reduction Campaign on Building Resilient Cities, Addressing Urban Risk. United Strategy for Disaster Reduction (2010) *Official Site of the United Nations Office for Disaster Risk Reduction* [Online]. Available at: URL: http://www.eird.org/wiki/images/DRAFT_Campaign_Strategy_Outline.pdf (Accessed: 8 May 2018).

³ A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action. Joint Communication to the European Parliament and the Council (2017) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (Accessed: 8 May 2018).

⁴ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 8 May 2018).

⁵ Council Conclusions on Democracy Support in the EU's External Relations (2009) *Official Site of the Council of the European Union* [Online]. Available at: URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/gena/111250.pdf (Accessed: 8 May 2018).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

широкого участия и свободная воля людей может наилучшим способом обеспечить право мужчин и женщин жить и растить своих детей в достоинстве, свободе от голода, без страха насилия, подавления и несправедливости..."¹. Тем самым, будущая связка между стрессоустойчивостью и нормами содержится уже в самих понятиях, из которых исходит ЕС. Согласно точке зрения Брюсселя, только либеральные демократии способны обеспечить должный уровень материального благополучия. Оно, в свою очередь, описывалось в более ранних текстах ЕС через язык "устойчивого развития", а в последнее десятилетие – и с помощью концепции стрессоустойчивости. Политические режимы иного рода, например, авторитарные, не соответствуют либерально-демократическим стандартам, следовательно, в долгосрочной перспективе по умолчанию не могут предоставить высокий уровень материального развития и быть стрессоустойчивыми. Итак, в дискурсе Евросоюза связь между западными нормами и стрессоустойчивостью прямая и каузальная: первое неизменно ведет ко второму.

Аргументация такого рода кажется, как минимум, идеологически обусловленной. В то время как академические исследователи стрессоустойчивости описывают ее как неотъемлемое свойство абсолютно любой системы, в неолиберальном по своей ценностной ориентации дискурсе ЕС оно напрямую выводится исключительно из неолиберальных норм. Таким образом, очевидно наличие как минимум двух принципиально различных трактовок одного и того же феномена. Проблема множественности прочтений данного понятия требует детального осмысления этой проблемы. Мы сейчас оставим в стороне многочисленные эмпирические примеры стабильных, однако недемократических в западном понимании обществ, сосредоточившись исключительно на дискурсивном измерении. Более того, мы не будем здесь подробно сопоставлять и академические прочтения стрессоустойчивости с ее вариантом в документах ЕС. В центре данного исследования следующий вопрос: насколько именно нормативная интерпретация рассматриваемого термина Брюсселем оказывается последовательной и непроблематичной? Цель этой статьи – показать, что даже внутри неолиберального лагеря нормативные трактовки стрессоустойчивости отличаются крайней парадоксальностью. Поэтому мы продемонстрируем внутреннюю противоречивость связки между либерально-демократическими нормами и стрессоустойчивостью при помощи неолиберального же инструментария – западных рейтингов государств.

Рейтинги и стрессоустойчивость: сравнительный анализ

Для фиксации нормативной компоненты обратимся к двум западным рейтингам государств, а именно, к индексу демократии ("Democracy Index") и рейтингу стран мира по уровню политических и гражданских свобод ("Freedom House ranking"). Их будет показательно сопоставить с рейтингом недееспособности государств ("Fragile states index", ранее "Failed state index"), который наилучшим образом подходит для идентификации признаков стрессоустойчивости обществ². Очевидно, что дееспособность и стрессоустойчивость как категории не совпадают полностью, но подавляющее большинство индикаторов первой входят в атрибуты последней. Важно и внимание рейтинга к социальному измерению, что снимает дихотомию "государство-общество" при измерении и дееспособности, и стрессоустойчивости. Под полной "недееспособностью" составители рейтинга подразумевают "потерю физического контроля над территорией государства, монополию на легитимное применение силы, эрозию легитимности власти в плане принятия коллективных решений, неспособность обеспечить функционирование важных общественных служб, взаимодействовать с другими государствами как полноценный член международного сообщества"³. Для нашего исследования особо примечательно, что все три индекса являют собой относительно консолидированное мнение неолиберально настроенной элиты Запада по поводу реализации прав человека, демократичности или стрессоустойчивости. Рейтинги составляются, преимущественно, путем экспертных оценок и могут быть расценены как индикатор представлений западных интеллектуалов относительно данных категорий. Так, при составлении рейтинга стран мира по уровню политических и гражданских свобод было задействовано в 2017 г. более 100 экспертов и 30 технических советников. Данный экспертный состав сформирован из представителей академического мира, исследовательских центров, медиа и международных правозащитных организаций таким образом, чтобы каждый аналитик предоставлял отчет в рамках своей

¹ Ibid.

² Fragile States Index and Cast Framework Methodology (2017) *Official Site of the Fund for Peace* [Online]. Available at: URL: <http://fundforpeace.org/fsi/2017/05/13/fragile-states-index-and-cast-framework-methodology/> (Accessed: 8 May 2018).

³ What Does State Fragility Mean? (no date) *Official Site of the Fund for Peace* [Online]. Available at: URL: <http://fundforpeace.org/fsi/frequently-asked-questions/what-does-state-fragility-mean/> (Accessed: 8 May 2018).

специализации¹. Оценка политических прав осуществлялась на основании присуждения каждому государству баллов от 1 до 7 в трех областях: электоральный процесс, политический плюрализм и участие, функционирование правительства (всего 10 вопросов). Уровень гражданских прав устанавливался по идентичной процедуре, но вопросы были сгруппированы уже по 4 сферам: свобода самовыражения и вероисповедания, свобода ассоциаций и организаций, верховенство права, право на персональную автономию и индивидуальные права (15 вопросов). В результате страны ранжируются от "несвободных" (от 1.0 до 2.5 баллов) к "частично свободным" (3-5) к "свободным" (5.5-7)². В свою очередь, индекс демократии также формируется, прежде всего, за счет экспертного опроса, который дополняется опросом общественного мнения. Применительно к каждой из стран задаются 60 одинаковых вопросов, сгруппированных по 5 категориям: электоральный процесс и плюрализм, функционирование правительства, политическое участие, демократическая политическая культура и гражданские свободы³. Несложно заметить, что подавляющее большинство категорий сформулировано в неолиберальном ключе, равно как и задаваемые экспертам вопросы. Наконец, рейтинг недееспособности государств составлен несколько сложнее. Задействована комплексная методология из контент-анализа, количественного анализа баз данных Организации Объединенных Наций, Всемирного банка и Всемирной организации здравоохранения, а также качественного экспертного анализа. Ранжирование осуществляется по 6 группам критериев: аппарат безопасности, групповое насилие, экономические (уровень бедности, равенства и тд.), политические (легитимность, верховенство права, права человека), социальные (демография, ситуация с беженцами) и сквозные (внешнее влияние) индикаторы. Всеохватность оцениваемых практик и институтов обладает очевидными параллелями с содержанием понятия стрессоустойчивости (Brassett et al., 2013: 223). Показательно и наличие в перечне политических критериев условно "западных" норм, что лишний раз напоминает об их взаимосвязи с категорией стрессоустойчивости в неолиберальном дискурсе.

В качестве объектов были выбраны 8 стран, не входящих в состав ЕС. Их пример будет особенно показателен для нашего исследования, так как, начиная с 2013 г., Брюссель запустил ряд программ по помощи развивающимся государствам в деле построения стрессоустойчивости их обществ⁴. Соответственно, двумя временными порогами выступили 2012 г. и 2017 г.: промежуток в 5 лет вполне достаточен для выявления некоторых эмпирических трендов. В целях достижения наибольшей репрезентативности мы задействовали максимально широкую географию стран. Континентальная Африка была представлена Нигерией, которую сам Брюссель выделил в качестве удачного примера построения стрессоустойчивости⁵. Другие исследуемые государства являются частью Европейской политики соседства, которая парадигмально также напрямую увязана с категорией стрессоустойчивости⁶. В Восточной Европе мы выделили Беларусь и Молдову, в регионе Южного Кавказа - Армению, Грузию и Азербайджан, на Ближнем Востоке - Израиль и Иорданию. Оставшиеся страны "соседства" не могут быть репрезентативны по методологическим соображениям. В рассматриваемый период государства Магриба оказались во власти крайней политической турбулентности - последствий Арабской весны. Как следствие, многие режимы или оказались свергнуты, или находились под значительным давлением (Heydemann & Leenders, 2011). В подобных обстоятельствах лишь Иордания на Ближнем Востоке сумела сохранить относительную стабильность. Также из исследования бы-

¹ Freedom in the World 2017. Methodology (2017) *Official Site of the Freedom House* [Online]. Available at: URL: <https://freedomhouse.org/report/methodology-freedom-world-2017> (Accessed: 8 May 2018).

² Ibid.

³ Democracy Index 2012. Democracy at a standstill. A report from The Economist Intelligence Unit (2012) *Official Site of the Economist Intelligence Unit* [Online]. Available at: URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex12 (Accessed: 8 May 2018).

⁴ Action Plan for Resilience in Crisis Prone Countries 2013-2020 (2013) *Official site of the European Commission* [Online]. Available at: URL: http://ec.europa.eu/echo/files/policies/resilience/com_2013_227_ap_crisis_prone_countries_en.pdf (Accessed: 8 May 2018).

⁵ A Strategic Approach to Resilience in the EU's External Action. Joint Communication to the European Parliament and the Council (2017) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/join_2017_21_f1_communication_from_commission_to_inst_en_v7_p1_916039.pdf (Accessed: 8 May 2018).

⁶ Review of the European Neighborhood Policy. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions (2015) *Official Site of the European Union External Action Service* [Online]. Available at: URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf (Accessed: 8 May 2018).

ла исключена Украина в связи со схожими событиями, развернувшимися в стране с 2014 г. Турбулентность такого порядка делает принципиально невозможным учет эффекта действий ЕС по построению стрессоустойчивости.

Совокупные данные трех рейтингов для удобства приведены в сводной таблице. Числа, расположенные напротив названия страны в рейтинге недееспособности государств и индексе демократии, обозначают ее место в ранжированном перечне. В первом из них близость к нулю подразумевает максимальную хрупкость государственных и общественных институтов, а по мере возрастания – напротив, стабильность. В свою очередь, индекс демократии составлен в соответствии с обратным принципом: чем более место государства в рейтинге приближено к нулю и единице, тем более она соответствует, по мнению экспертов, эталону демократичности. Рейтинг стран мира по уровню политических и гражданских свобод содержит уже упомянутые выше три обобщенные характеристики развития прав человека в стране: "свободная", "частично свободная" или "несвободная". В скобках указаны сначала гражданские, затем политические права (см. таблицу).

Сводный перечень рейтинга недееспособности государств, индекса демократии и рейтинга стран мира по уровню политических и гражданских свобод от 2012 и 2017 гг. для восьми стран¹

Рейтинг недееспособности государств		
	2012 г.	2017 г.
Нигерия	14	13
Беларусь	85	95
Молдова	73	98
Армения	102	102
Грузия	51	79
Азербайджан	68	81
Израиль	61	69
Иордания	90	71
Индекс демократии		
	2012 г.	2017 г.
Нигерия	120	109
Беларусь	141	138
Молдова	67	78
Армения	114	111
Грузия	93	79
Азербайджан	139	148
Израиль	37	30
Иордания	121	117
Рейтинг стран мира по уровню политических и гражданских свобод		
	2012 г.	2017 г.
Нигерия	Частично свободная (4;4)	Частично свободная (5;3)
Беларусь	Несвободная (6;7)	Несвободная (6;7)

¹ Таблица сост. по: The Failed States Index 2012 (2012) *Official Site of the Fund for Peace* [Online]. Available at: URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/cfsir1210-failedstatesindex2012-06p.pdf> (Accessed: 8 May 2018); Fragile states index: state fragility in 2017 (2017) *Official Site of the Fund for Peace* [Online]. Available at: URL: <http://fundforpeace.org/fsi/2017/05/14/fragile-states-index-2017-annual-report/951171705-fragile-states-index-annual-report-2017/> (Accessed: 8 May 2018); Democracy Index 2012. Democracy at a standstill. A report from The Economist Intelligence Unit (2012) *Official Site of the Economist Intelligence Unit* [Online]. Available at: URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex12 (Accessed: 8 May 2018); Democracy Index 2017: Free speech under attack (2017) *Official Site of the Economist Intelligence Unit* [Online]. Available at: URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2017 (Accessed: 8 May 2018); Freedom in the World 2012. The Arab uprisings and their global repercussions (2012) *Official Site of the Freedom House* [Online]. Available at: URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2012> (Accessed: 8 May 2018); Freedom in the World 2017. Populists and Autocrats: The Dual Threat to Global Democracy (2017) *Official Site of the Freedom House* [Online]. Available at: URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2017> (Accessed: 8 May 2018).

Окончание таблицы

Рейтинг недееспособности государств		
	2012 г.	2017 г.
Молдова	Частично свободная (3;3)	Частично свободная (3;3)
Армения	Частично свободная (4;6)	Частично свободная (4;5)
Грузия	Частично свободная (3;4)	Частично свободная (3;3)
Азербайджан	Несвободная (5;6)	Несвободная (6;7)
Израиль	Свободная (2;1)	Свободная (2;1)
Иордания	Несвободная (5;6)	Несвободная (5;5)

Результаты исследования и выводы

Сопоставив первый рейтинг с двумя остальными, мы оказываемся в состоянии оценить воззрения нелиберальных экспертов на связь стрессоустойчивости с западными нормами. Заметим, что результаты подобной операции можно назвать весьма неожиданными. Увеличение или уменьшение позиции страны в рейтинге недееспособности государств совпало с синхронным движением в индексе демократии – лишь в 3 из 8 раз, а в рейтинге стран мира по уровню политических и гражданских свобод – и того меньше, в 1 из 8. В первом случае это оказалось одновременное улучшение показателей демократичности и стрессоустойчивости для Беларуси, Грузии и Израиля от 2012 к 2017 г. Во втором подобное движение сопровождалось еще и повышением для Грузии показателя развития прав человека, пусть и незначительным (в пределах единицы). Остальные страны, однако, в своем подавляющем количестве продемонстрировали обратную динамику, показав разрыв изменения стрессоустойчивости с ценностными характеристиками западных обществ – представительной демократией и правами человека. К примеру, за 5 рассмотренных лет Иордания значительно ухудшила свое положение по шкале стабильности, что сопровождалось повышением демократических показателей и индекса прав человека. Также здесь будет плодотворным ввести термин "ограниченная корреляция", под которой мы подразумеваем следующую ситуацию: неизменность показателей или незначительные перемены в пределах погрешности (1-3 пункта) по одному рейтингу могут совпадать с аналогичной ситуацией по другому. Так, государство Нигерия в индексе недееспособности потеряло 1 позицию, а в рейтинге свобод одновременно уменьшило и увеличило показатели на единицу по двум шкалам. Всего мы становимся свидетелями трех таких ограниченных корреляций из 16 возможных вариантов. Представляется, что эти случаи невозможно причислить ни к сценарию прямой, ни обратной корреляции. По большому счету, в количественном отношении данный показатель в нашем исследовании отходит на второй план. Более половины (9 из 16) позиций свидетельствуют именно об обратной корреляции между стрессоустойчивостью и нормативной компонентой, демонстрируя их разрыв (см. таблицу). Приняв точку зрения Брюсселя на стрессоустойчивость, объяснить подобное обстоятельство чрезвычайно затруднительно. Интерпретация Евросоюзом понятия стрессоустойчивости существенно противоречит другим трактовкам этой категории в нелиберальном дискурсе, частью которых являются три рассмотренных рейтинга. Несомненно, идеологический по своему происхождению тезис ЕС о стрессоустойчивости как нормативной категории отражает глубокую парадоксальность концептуальной позиции Брюсселя в этом вопросе. Противоречивый характер связки между стрессоустойчивостью и нормативностью даже внутри нелиберального дискурса заставляет еще раз подвергнуть критической рефлексии их соотношение со стрессоустойчивостью как реальным свойством системы.

Итак, дискурс ЕС, построенный на увязывании нормативной компоненты и стрессоустойчивости, продемонстрировал свою проблематичность. Брюссель подчеркивает наличие прямой связи между условными нормами Запада и стрессоустойчивостью, где первое неизменно ведет ко второму. Однако даже нелиберальные эксперты, ученые и журналисты той же ценностной ориентации выражают сомнение по поводу обоснованности подобного тезиса¹. Это становится очевидно после сопоставления трех рейтингов государств (рейтинга недееспособности государств, индекса демократии, рейтинга стран мира по уровню политических и гражданских свобод), где главным трендом является

¹ Freedom in the World 2017. Methodology (2017) *Official Site of the Freedom House* [Online]. Available at: URL: <https://freedomhouse.org/report/methodology-freedom-world-2017> (Accessed: 8 May 2018).

не прямая, а обратная корреляция между либерально-демократическими стандартами и стрессоустойчивостью общества. Множественность и трудность интерпретаций данного понятия внутри неолиберального дискурса вызывает вопрос следующего содержания: насколько версия ЕС концепции стрессоустойчивости вообще соотносится с реальным свойством системы к адаптации и восстановлению после шоков? Представляется, что дальнейшие исследования должны сосредоточиться на взаимосвязи инварианта стрессоустойчивости в документах ЕС и ее конкретных воплощений в разных частях Земного шара. В обеих ипостасях стрессоустойчивость является важным элементом неолиберальной системы. Следовательно, изучение этого понятия и феномена способно значительно улучшить наше понимание мирового порядка и международного общества государств.

Финансовая поддержка

Исследование является частью проекта "Концепция стрессоустойчивости (resilience) Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России" Российского научного фонда (№ 17-18-01110).

Библиографический список

- Романова, Т. А. (2017) 'Категория "Стрессоустойчивость" в Европейском Союзе', *Современная Европа*, 4(76), сс. 7–29. [Romanova, T. A. (2017) 'Resilience category in the European Union' [Kategoriya "Stressoustoichivost'" v Evropeiskom Soyuze], *Contemporary Europe*, 4(76), pp. 17–29. (In Russ.)].
- Bourbeau, P. (2015) 'Resilience and international politics: premises, debates, agenda', *International Studies Review*, 17(3), pp. 374–395.
- Brassett, J., Croft, S., and Vaughan-Williams, N. (2013) 'Introduction: an agenda for resilience research in politics and international relations', *Politics*, 33(4), pp. 221–228.
- Brassett, J., Vaughan-Williams, N. (2015) 'Security and the performative politics of resilience: Critical infrastructure protection and humanitarian emergency preparedness', *Security Dialogue*, 46(1), pp. 32–50.
- Chandler, D. and Reid, J. (2016) *The neoliberal subject: resilience, adaptation and vulnerability*. London: Rowman & Littlefield International.
- Coaffee, J., Fussey, P. (2015) 'Constructing resilience through security and surveillance: the politics, practices and tensions of security-driven resilience', *Security Dialogue*, 46(1), pp. 86–105.
- Coaffee, J. (2013) 'Rescaling and responsabilising the politics of urban resilience: From national security to local place-making', *Politics*, 33(4), pp. 240–252.
- Heydemann, S. and Leenders, R. (2011) 'Authoritarian learning and authoritarian resilience: regime responses to the "Arab awakening"', *Globalizations*, 8(5), pp. 647–653.
- Holling, C. S. and Gunderson, L. H. (2002) 'Resilience and adaptive cycles' in: Holling, C. S. and Gunderson, L. H. (eds.) *Panarchy: understanding transformations in human and natural systems*. Washington: Island Press, pp. 25–63.
- Holling, C. S. (1973) 'Resilience and stability of ecological systems', *Annual Review of Ecology and Systematics*, 4(1), pp. 1–23.
- De Milliano, C., Jurriens, J. (2016) 'A different cup of tea: learning from enhancing resilience in risk prone communities' in: Chandler, D., Coaffee, J. (eds.) *Routledge handbook of international resilience: policies, theories and practices*. Abingdon: Routledge, pp. 253–267.
- Olsson, L., Jerneck, A., Thoren, H., Persson, J., and O'Byrne, D. (2016) 'A social science perspective on resilience' in: Chandler, D., Coaffee, J. (eds.) *Routledge handbook of international resilience: policies, theories and practices*. Abingdon: Routledge, pp. 49–63.
- Perrings, C. (1998) 'Introduction: resilience and sustainability', *Environment and Development Economics*, 3(2), pp. 221–262.
- Walker, B. H., Gunderson, L. H., Kinzig, A. P., Folke, C., Carpenter, S. R., and Schultz, L. (2006) 'A handful of heuristics and some propositions for understanding resilience in social-ecological systems', *Ecology and Society*, 11(1) [online]. Available at: <http://www.ecologyandsociety.org/vol11/iss1/art13/> (Accessed: 8 May 2018).

Информация об авторе

Коцур Глеб Владиславович – аспирант кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, исполнитель по проекту "Концепция стрессоустойчивости (resilience) Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России", E-mail: glebk17@gmail.com (ORCID: 0000-0003-4079-264X. ResearcherID: U-6214-2017).

Статья принята к печати: 30.04.2019

NORMATIVE DIMENSION IN THE 'RESILIENCE' CONCEPT OF THE EUROPEAN UNION: INTERNAL CONTRADICTIONS OF NEOLIBERALISM

G. V. Kotsur

Saint Petersburg State University

Abstract

The ecological concept of resilience was defined by its author C.S. Holling as 'a measure of the persistence of systems and of their ability to absorb change and disturbance and still maintain the same relationships between populations or state variable'. In other words, it means the ability of a system to adapt after shocks and turbulence. In recent decades, the 'resilience' notion has been transferred to a wide range of social disciplines, including political science and theory of international relations. Moreover, the European Union has articulated its own interpretation of this concept, where resilience is closely connected with the so-called Western political norms – liberal democracy and human rights. Comparing Fragile States Index, Democracy Index, Freedom House report, on the one hand, and normative position of Brussels – on the other, the author describes such an odd interpretation of resilience as a deeply controversial one. Comparative analysis reveals the presence of an inverse correlation between resilience and the normative component, rather than a direct one. The contradictory nature of the link between resilience and normativity (even within the neoliberal discourse) makes us critically reflect on the relationship between 'resilience' as a discursive concept of the European Union and resilience as a real ability of the system to adapt after shocks.

Keywords: resilience; discourse; neoliberalism; European Union; Fragile States Index; Democracy Index; Freedom House report.